

ГЛАВА I

НЕУЖЕЛИ ЭТО ПРИЗРАК?

Тем вечером, когда господин Дебьенн и господин Полиньи, подавшие в отставку директора театра Оперы, устраивали по случаю своего ухода прощальное торжество, гримерную Сорелли, одной из лучших представительниц танца, внезапно заполонили с полдюжины девиц кордебалета. Станцевав «Полидевка», они устремились туда в величайшем смятении: одни неестественно громко смеялись, другие кричали от ужаса.

Сорелли, желавшая побыть какое-то время одна, дабы «повторить» приветственную речь, которую вскоре ей предстояло произнести в фойе в адрес господина Дебьенна и господина Полиньи, с досадой увидела эту ошалевшую толпу, ворвавшуюся вслед за ней. Повернувшись к своим подругам, она спросила о причине столь бурного волнения. И тогда крошка Жамм — носик, дорогой сердцу Гревена*, небесно-голубые глазки, розовые щечки, лилейная грудка — объяснила эту причину дрожащим от страха голосом:

* Гревен Альфред (1827–1892) — французский художник, основавший в Париже в 1882 году музей восковых фигур.

— Призрак! — И заперла дверь на ключ.

Гримерная Сорелли отличалась формальным и, пожалуй, весьма банальным изяществом. Высокое зеркало на ножках, диван, туалетный столик и шкафы составляли необходимую обстановку. На стенах — несколько гравюр: память о матери, знававшей прекрасные дни в прежней Опере на улице Лепелетье. Портреты Вестри, Гарделя, Дюпона, Биготтини. Эта гримерная казалась дворцом девочкам из кордебалета, размещавшимся в общих комнатах, где они проводили время, распевая, ссорясь, награждая тумачами парикмахеров и костюмерш и угощаясь черносмородиновой наливкой или пивом, а то и ромом, пока не прозвучит предупредительный звонок.

Сорелли была очень суеверна. Услыхав слова крошки Жамм о Призраке, она, вздрогнув, молвила:

— Вот дурочка! — И так как сама первая была готова поверить в призраков вообще и в Призрака Оперы в частности, пожелала сразу же все выяснить. — Вы видели его? — спросила Сорелли.

— Как вижу вас сейчас! — простионала крошка Жамм и упала на стул, не в силах больше держаться на ногах.

И тотчас крошка Жири — глаза-черносливленки, волосы как смоль, лицо смуглое, а сама — кожа да косточки — добавила:

— Если это он, то очень уж безобразен!

— О да! — хором подхватили танцовщицы и заговорили все разом.

Призрак предстал перед ними в виде господина в черном фраке, который вырос вдруг в коридоре, неизвестно откуда взявшись. Его появление было столь внезапно, что, казалось, он вышел из стены.

— Ах! — не выдержала одна из девиц, сохранявшая в какой-то мере хладнокровие. — Вам всюду мерещится Призрак.

И в самом деле, вот уже несколько месяцев в Опере все толковали об этом призраке в черном фраке, который разгуливал по всему зданию сверху донизу, ни с кем не разговаривая. Да к нему никто и не решался обратиться, к тому же стоило его увидеть — и он тут же исчезал, неведомо куда и как. Шагов его не было слышно — обычное дело для любого настоящего призрака. Поначалу все только веселились, насмехаясь над этим привидением в одежде светского человека или служащего похоронного бюро, однако вскоре легенда о Призраке приобрела в кордебалете колоссальный размах. Танцовщицы уверяли, будто сталкивались с этим сверхъестественным существом, становясь жертвами его злых чар. И те, кто громче всех смеялся, отнюдь не были самыми бесстрашными. Даже оставаясь невидимым, Призрак давал знать о своем присутствии то смешными, а то зловещими событиями, которые едва ли не всеобщее суеверие приписывало именно его влиянию. Случилось какое-нибудь несчастье, подружка подшутила над одной из девиц кордебалета, пропала пуховка для рисовой пудры? Во всем виноват был Призрак, Призрак Оперы!

А по сути, кто его видел? В Опере столько черных фраков, и это вовсе не обязательно призраки. Однако у того была особенность, не присущая остальным черным фракам. Под ним скрывался скелет.

Во всяком случае, так говорили девицы.

И вместо головы, разумеется, был череп.

Насколько этому можно было верить? Истина заключалась в том, что представление о скелете возникло

после описания Призрака, сделанного Жозефом Бюке, старшим машинистом сцены, который действительно его видел. Он столкнулся — нельзя сказать «нос к носу», ибо у Призрака такового не было — с таинственным персонажем на маленькой лестнице, которая от рампы ведет непосредственно «в низы», в подвалы. Бюке успел заметить его в считанные доли секунды — ибо Призрак бросился бежать — и сохранил об этой встрече неизгладимое воспоминание.

Вот что рассказывал о Призраке Жозеф Бюке любому, кто готов был его выслушать:

«Он чудовищной худобы, и черный фрак болтается на нем, как на скелете. А глаза так глубоко запали, что с трудом можно различить неподвижные зрачки. И в общем-то видны лишь две огромных черных дыры, словно на черепе у мертвецов. Кожа, которая натянута на кости, как на барабан, вовсе не белая, а безобразно желтая; нос такой малюсенький, что в профиль совсем незаметен, отсутствие носа — вещь ужасная на вид. Три или четыре длинные темные пряди на лбу и за ушами — вот и вся шевелюра».

Напрасно Жозеф Бюке кинулся вдогонку за этим странным видением. Оно исчезло, словно по волшебству, и старший машинист сцены не сумел отыскать его следов.

Он был человеком серьезным, степенным, непьющим и не отличался живым воображением. Его словам внимали с изумлением и интересом, и тут же нашлись такие, кто стал утверждать, будто и они тоже видели черный фрак с черепом вместо головы.

Люди разумные, до которых дошел слух об этой истории, заявили сначала, что Жозеф Бюке стал жертвой

одного из своих подчиненных, подшутившего над ним. Но затем последовали столь странные и необъяснимые события, что и умники заколебались.

Лейтенант-пожарный, безусловно, человек отважный. Он ничего не боится и, главное, не боится огня!

Так вот этот самый лейтенант-пожарный*, который отправился с обходом в подвалы и, судя по всему, зашел дальше обычного, внезапно снова появился на сцене — бледный, растерянный, с выпученными глазами, дрожащий в испуге — и едва не лишился чувств, упав на руки благородной мамыши крошки Жамм. А почему? Да потому, что увидел приближавшуюся к нему на уровне головы, но только без туловища, огненную голову! Хотя лейтенант-пожарный, как известно, огня не боится.

Звали лейтенанта-пожарного Папен.

Кордебалет был потрясен. Прежде всего эта огненная голова ни в коей мере не соответствовала описанию Призрака, данному Жозефом Бюке. Пожарного засыпали вопросами, потом еще раз расспросили старшего машиниста сцены, после чего девицы пришли к выводу, что у Призрака, видимо, несколько голов и он меняет их как вздумается. Они, естественно, тотчас вообразили, что подвергаются величайшей опасности. Раз уж лейтенант-пожарный едва не лишился чувств, то что тут говорить о кордебалете: и у корифеев, и у молоденьких фигуранток, именуемых мышками, нашлось немало оправданий тому ужасу, который заставлял их бежать со всех ног, когда они оказывались у темной дыры какого-нибудь плохо освещенного коридора.

* Эту историю, тоже вполне достоверную, мне рассказал сам господин Педро Гелар, бывший директор Оперы. *Прим. авт.*

А посему, дабы уберечь прославленное сооружение от ужасных колдовских козней, Сорелли в окружении всех танцовщиц и даже мелюзги младших классов в трико на другой день после истории с лейтенантом-пожарным самолично положила на стол привратника в вестибюле, расположенном рядом с административным двором, подкову, до которой любому, кто входил в Оперу не в качестве зрителя, надлежало дотронуться, прежде чем ступить на первую ступеньку лестницы. Иначе легко было стать добычей таинственных сил, завладевших зданием от подвалов до чердачных помещений!

Подкову эту, как, впрочем, и всю историю целиком, я — увы! — не выдумал: ее и сегодня можно увидеть на столе в вестибюле возле комнаты привратника, если войти в Оперу через административный двор.

Таково вкратце было состояние умов этих девиц в тот вечер, когда мы вместе с ними проникли в гримерную Сорелли.

— Призрак! — воскликнула, стало быть, крошка Жамм.

Беспокойство танцовщиц все возрастало. В гримерной воцарилось тревожное молчание. Не слышно было ничего, кроме прерывистого дыхания. Наконец Жамм с выражением неподдельного ужаса бросилась в самый дальний угол и, прислонившись к стене, прошептала одно лишь слово:

— Слушайте!

И в самом деле, всем почудилось, будто за дверью раздался какой-то шорох. Но шагов не было слышно. Казалось, прошелестел легкий шелк, задев дверную филенку. И все.

Сорелли попыталась выглядеть менее трусливой, чем ее подруги. Подойдя к двери, она спросила слабым голосом:

— Кто там?

Но ей никто не ответил.

Тогда, чувствуя на себе пристальные взгляды, следившие за каждым ее движением, она заставила себя быть храброй и очень громко сказала:

— Есть кто-нибудь за дверью?

— О да! Да! Наверняка за дверью кто-то есть! — вскрикнула эта сушеная слива Мег Жири, геройски схватив Сорелли за газовую юбку. — Только не открывайте! Боже мой, не открывайте!

Но Сорелли, вооружившись стилетом, с которым никогда не расставалась, отважилась повернуть ключ в замочной скважине и открыть дверь, в то время как танцовщицы отпрянули назад, а кое-кто даже укрылся в туалете, и Мег Жири со вздохом прошептала:

— Мама! Мама!

Сорелли бесстрашно выглянула в коридор. Там было пусто; язычок пламени отбрасывал из своего стеклянного заточения неверный красный отблеск среди окружающего мрака, не рассеивая его. И танцовщица со вздохом облегчения поспешно закрыла дверь.

— Нет, — сказала она, — никого нет!

— А между тем мы все его видели! — снова заявила Жамм, боязливо занимая свое место возле Сорелли. — Должно быть, он бродит где-то там. Я ни за что не пойду переодеваться. Мы сейчас все вместе спустимся в фойе для «приветствия», а потом все вместе поднимемся.

С этими словами девочка благоговейно коснулась крохотного коралла, призванного отводить от нее беду. А Сорелли кончиком розового ногтя большого пальца правой руки украдкой нарисовала Андреевский крест на деревянном кольце, надетом на безымянный палец ее левой руки.

«Сорелли, — писал знаменитый журналист, — великая балерина, красавица со строгим и чувственным лицом, с похожей на ивовую ветку гибкой талией; ее обычно называют „прекрасным созданием“. Светлые, чистого золота волосы обрамляют матовый лоб, а глаза сияют, словно два изумруда. Голова ее, будто султан, слегка покачивается на длинной, изящной, горделивой шее. Во время танца для нее характерно особое, неопишное движение бедер, отчего по всему ее телу пробегает несказанной томности дрожь. Когда она поднимает руки и склоняется, собираясь начать пируэт, подчеркивая тем самым линию лифа, а наклон туловища в это время вырисовывает бедро этой прелестной женщины, подобное зрелище, по общему мнению, способно заставить человека пустить себе пулю в лоб и распроститься с мозгами».

Кстати о мозгах: считается доказанным, что у нее их вовсе не было. Но ей это не ставили в упрек.

— Дети мои, — снова обращается Сорелли к маленьким танцовщицам, — не пора ли опомниться!.. Призрак? Никто его, возможно, никогда не видел!..

— Нет-нет! Мы видели!.. Только что видели! — возразили крошки. — Он был во фраке и с черепом вместо головы, как в тот вечер, когда явился Жозефу Бюке!

— И Габриель тоже его видел! — добавила Жамм. — Не далее как вчера! Вчера после обеда, среди бела дня.

- Габриель, хормейстер?
- Ну да... Как! Вы этого не знали?
- И он был во фраке среди бела дня?
- Кто? Габриель?
- Да нет! Призрак!

— Конечно во фраке! — заявила Жамм. — Сам Габриель мне это сказал. Потому-то он его и узнал. Вот как это случилось. Габриель находился в кабинете управляющего. Вдруг дверь распахнулась. И вошел Перс. А у Перса, сами знаете, «дурной глаз».

— Да, верно! — хором вторили маленькие танцовщицы и, представив себе образ Перса, тут же показали рожки Судьбе, вытянув указательный палец и мизинец, в то время как согнутые средний и безымянный пальцы прижимались к ладони большим.

— А Габриель такой суеверный! — продолжала Жамм. — Хотя всегда отменно вежлив и, когда видит Перса, просто преспокойно кладет руку в карман, чтобы потрогать ключи. Так вот, как только открылась дверь перед Персом, Габриель вскочил с кресла, на котором сидел, и бросился к замочной скважине в шкафу, чтобы успеть дотронуться до железа! По дороге, зацепившись за гвоздь, он разорвал полу своего пальто. А поторопившись уйти, ударился лбом о вешалку и набил огромную шишку; потом, попятившись внезапно, задел рукой за ширму у пианино; хотел опереться на пианино, но до того неудачно, что крышка упала ему на руки, прищемив пальцы; как сумасшедший, выбежал он из кабинета и, наконец, заспешив, спускаясь по лестнице, пересчитал спиной все ступеньки второго этажа. Я как раз проходила мимо вместе с мамой. Мы кинулись поднимать его. Он сильно расшибся, все

лицо было в крови, мы даже испугались. Но он сразу улыбался, воскликнув: «Благодарю тебя, Господи, за то, что так легко отделался!» Тут мы стали расспрашивать его, и он рассказал нам о своих страхах. А испугался-то он потому, что за спиной Перса стоял Призрак! Призрак с черепом вместо головы, каким описывал его Жозеф Бюке.

Конец истории, которую, с трудом переводя дух, то-ропливо, словно за ней гнался Призрак, поведала Жамм, встретили испуганным шепотом. И снова наступило молчание, которое нарушила крошка Жири, а Сорелли тем временем взволнованно полировала ногти.

— Жозефу Бюке лучше бы помолчать, — заявила сушеная слива.

— А почему он должен молчать?

— Так считает мама... — ответила Мег на этот раз едва слышно, оглядываясь по сторонам, словно опасаясь, что ее могут услышать другие уши кроме тех, что находились рядом.

— А почему твоя мама так считает?

— Тише! Мама говорит, что Призрак не любит, когда ему досаждают!

— А почему твоя мама говорит это?

— Да потому что. Потому что ничего особенного...

Такая искусная уклончивость разожгла любопытство девиц, и они, окружив крошку Жири плотным кольцом, обуреваемые ужасом, склонились в едином порыве, умоляя ее объясниться. Заражая друг друга страхом, они получали острое удовольствие, от которого кровь стыла в жилах.

— Я поклялась ничего не рассказывать! — еле слышно пролепетала Мег.

Но они не оставляли ее в покое, истово пообещав хранить секрет, и Мег, горевшая желанием поведать то, что знала, начала в конце концов, не спуская глаз с двери:

— Так вот, это все из-за ложи...

— Какой ложи?

— Ложи Призрака!

— У Призрака есть ложа?

При мысли, что Призрак имеет собственную ложу, танцовщицы не могли сдержать охватившего их жуткого восторга, удивлению их не было предела. Они только вздыхали, повторяя:

— Ах, боже мой! Рассказывай... Рассказывай...

— Потише! — приказала Мег. — Это ложа первого яруса, да вы знаете, ложа номер пять на первом ярусе, у самой сцены с левой стороны.

— Не может быть!

— Точно вам говорю. А билетершей там — моя мама... Но вы клянетесь ничего не рассказывать?

— Ну конечно! Дальше!..

— Так вот, это и есть ложа Призрака... Туда больше месяца никто не приходил, кроме Призрака, разумеется, и в администрацию отдали распоряжение никому ее не сдавать...

— И Призрак действительно туда приходит?

— Ну конечно...

— Стало быть, кто-то все-таки приходит?

— Да нет же!.. Приходит Призрак, но там никого нет.

Крошки-танцовщицы переглянулись. Если Призрак являлся в ложу, его должны были видеть, раз на нем был черный фрак, а вместо головы — череп. Они попытались втолковать это Мег, но та возразила:

— В том-то и дело! Призрака не видно! У него нет ни фрака, ни головы!.. Все, что рассказывали о черепе и огненной голове, — выдумки! Ничего такого у него нет... Его только можно слышать, когда он в ложе. Мама никогда его не видела, но зато слышала. Уж мама-то знает, ведь это она приносит ему программу.

Сорелли сочла своим долгом вмешаться:

— Жири, ты смеешься над нами?

Тут крошка Жири заплакала:

— Лучше бы я молчала. Если мама когда-нибудь узнает!.. И все-таки Жозеф Бюке напрасно лезет не в свое дело, что верно, то верно. Ему это принесет несчастье... Мама еще вчера вечером говорила...

В эту минуту в коридоре послышались тяжелые топчущие шаги и громкий голос:

— Сесиль! Сесиль! Ты здесь?

— Это мамин голос! — сказала Жамм. — Что случилось? — И она открыла дверь.

Почтенная дама, скроенная наподобие померанского гренадера, ринулась в гримерную и со стоном упала в кресло. Она в страхе таращила глаза, придававшие мрачное выражение ее лицу цвета обожженного кирпича.

— Какое несчастье! — проговорила она. — Какое несчастье!

— В чем дело? В чем дело?

— Жозеф Бюке...

— Ну что там с Жозефом Бюке?

— Жозеф Бюке умер!

Гримерная наполнилась удивленными возгласами, испуганными требованиями разъяснения...

— Да. Его только что нашли повешенным в третьем подвале!.. Но самое ужасное, — задыхаясь, продолжала

несчастливая почтенная дама, — самое ужасное то, что машинисты сцены, которые обнаружили его тело, уверяют, будто возле трупа слышны были какие-то звуки, похожие на погребальное пение!

— Это Призрак! — невольно вырвалось у крошки Жири, однако она тут же опомнилась и закрыла рот руками. — Нет!.. Нет!.. Я ничего не сказала!.. Я ничего не сказала!..

Вокруг нее все подружки тихонько повторяли в ужасе:

— Так и есть! Это Призрак!..

Сорелли побледнела...

— Ни за что я не сумею произнести приветственную речь, — молвила она.

Мамаша Жамм, осушив забытую на столе рюмку ликера, тоже высказала свое мнение:

— Тут наверняка замешан Призрак...

Истина же заключается в том, что никто так никогда и не узнал, как умер Жозеф Бюке. Расследование, довольно поверхностное, не дало никаких результатов, если не считать вывода о естественном самоубийстве. В «Мемуарах одного директора» господин Моншармен, один из двух директоров, сменивших господина Дебьенна и господина Полиньи, так описывает случай с повешенным:

«Прискорбный инцидент нарушил небольшое торжество, устроенное господином Дебьенном и господином Полиньи по случаю их ухода. Я находился в директорском кабинете, когда туда внезапно вошел Мерсье — администратор. Он в панике сообщил мне, что в третьем подвальном этаже под сценой, между стропильной фермой и декорациями „Короля Лагорского“, обнаружено тело одного машиниста сцены.

„Надо пойти снять его!“ — воскликнул я.

Но пока я бегом спустился по ступенькам, а потом по приставной лестнице, у повесившегося уже не оказалось веревки!»

Вот, стало быть, какое событие господин Моншармен считает естественным. Человек висит на веревке, его собираются снять, а веревка исчезает. О! Господин Моншармен нашел тому весьма простое объяснение. Послушайте его:

«Тут как раз закончился танец, и корифеи с мышками поспешили принять меры предосторожности от сглаза».

Небольшой штрих, и только. Вы представляете себе девочек кордебалета, которые спускаются по приставной лестнице и делят между собой веревку повесившегося быстрее, чем это можно описать? Несерьезно! Зато когда я обдумываю, в каком точно месте было найдено тело — в третьем подвальном этаже под сценой, — на ум мне приходит, что, возможно, у кого-то был интерес, чтобы эта веревка, сделав свое дело, исчезла. И позже мы увидим, прав ли я был, предположив такое...

Мрачная новость быстро распространилась по всему зданию Оперы, сверху донизу: ведь Жозефа Бюке здесь очень любили. Примерные опустели, и молоденькие танцовщицы, собравшись вокруг Сорелли, словно испуганные овцы вокруг пастуха, направились в фойе по плохо освещенным лестницам и коридорам, торопливо семеня своими розовыми лапками.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks